

УДК 94(47)091

Н.Д. ТРОЦЕНКО

**ДВАДЦАТИПЯТИТЫСЯЧНИКИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ:
РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-МОБИЛИЗАЦИОННЫХ ФУНКЦИЙ
(1930–1931 гг.)**Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: orlova@history.nsc.ru

В статье на основе материалов делопроизводства партийных органов Западной Сибири анализируется деятельность двадцатипяти-тысячников – рабочих, прибывших в регион из индустриальных центров для форсированного создания колхозной системы. Выявлены факторы позитивного и негативного воздействия на адаптацию рабочих к новым социальным функциям. Сделан вывод о том, что около четверти мобилизованных рабочих не справились с управленческой деятельностью.

Ключевые слова: двадцатипяти-тысячники, кадровая мобилизация, форсированная коллективизация, адаптационные факторы.

Принимая решение о форсированной коллективизации сельскохозяйственного производства, в органах партийного и советского руководства понимали, что это потребует привлечения огромного количества организаторских и партийных кадров. Несмотря на дефицит постоянных кадров в промышленности, ноябрьский (1929 г.) Пленум ЦК ВКП(б) принял решение о «переключении» около 25 тыс. рабочих в сельскохозяйственный сектор [1, с. 408]. Ставка была сделана на то, что только из представителей рабочего класса можно в максимально сжатые сроки подготовить политически надежных грамотных организаторов. Во исполнение данной директивы профсоюзы под руководством партийных комитетов провели кадровую мобилизацию в промышленных центрах. Группу рабочих, направленную в ходе этой кампании в деревню, принято называть 25-тысячниками.

В советской историографии роль 25-тысячников в коллективизации оценивалась очень высоко, их успехи широко освещались. Научному изучению истории 25-тысячников как самостоятельной темы положила статья Е.Б. Зомбе (1947 г.) [2]. Исследователь высоко оценивает роль рабочих в организации труда в колхозах и довольно подробно рассматривает их общественно-политическую деятельность в деревне.

Интерес к истории 25-тысячников возрос с середины 1950-х гг. в связи с решением об отправке из городов в села около 30 тыс. организаторов и руководителей колхозов (1955 г.). Стали появляться публикации документов, исторические очерки о 25-тысячниках, специальные разделы в книгах. Их деятельности в Сибири посвящена одна из глав монографии Н.Я. Гушина (1965 г.) [3]. За рубежом о 25-тысячниках вышла книга канадской исследовательницы Линн Виолы (1987 г.), в которой рассматриваются их со-

циальные корни, убеждения и повседневная деятельность [4].

Современные авторы, такие как А.Н. Сахаров и А.С. Левакин, показали низкую профессиональную пригодность промышленных рабочих в деревне [5; 6]. В.И. Носач и Н.Д. Зверева обращают внимание на то, что при помощи рабочих Сталин пытался придать вид революционной законности насилию, которому подвергались крестьяне: «рабочий класс – гегемон вел за собою в социализм отсталый класс – крестьянство» [7, с. 88–94].

Таким образом, в историографии накоплен обширный материал о 25-тысячниках. Однако задача объективной оценки участия рабочих в коллективизации деревни остается еще не решенной. Кроме того, крайне слабо изучена реализация рассматриваемой кампании в Сибири.

На 25-тысячников возлагались две достаточно самостоятельные функции – организационно-производственная и идеолого-политическая. Рабочие должны были не только сами реализовывать политику партии, но и создавать опору большевиков в деревне. Их распределение колхозными организациями производилось заочно, еще до прибытия в села. Более того, на колхозных собраниях заранее принимались решения о принятии 25-тысячников в члены правления и т. п. Как и следовало ожидать, значительная часть рабочих не могла соответствовать выделенным им должностям. Такое несоответствие и стало одной из причин их слабой работы, неспособности адаптироваться и, как результат, перемещений с должности на должность.

По сведениям краевого комитета ВКП(б), в Сибири весной 1930 г. на руководящей колхозной работе было использовано 66,3 % 25-тысячников (43,9 % –

председателями коммун и колхозов, 22,4 % – членами правления), в то время как по СССР на соответствующую работу попало, по неполным данным, всего 53 %. Кроме того, 2,4 % 25-тысячников заведовали отдельными отраслями хозяйства в колхозах. В качестве инструкторов и членов правления районных колхозных объединений было задействовано 2,3 %. В машинно-тракторных и машинно-конных станциях работало 12,6 % (по другим данным, – 10,2 %)¹. Это очень весомая доля, если учитывать, что в 1930 г. в Сибири насчитывалось лишь 9 МТС (данных о количестве МКС у нас не имеется) [3, с. 53]. Около 15 % 25-тысячников использовались на партийной работе в деревне; 4 % занимали руководящие должности на маслозаводах². Таким образом, в Сибирском крае больший, чем в среднем по стране, процент 25-тысячников был назначен на ответственные руководящие должности. Кроме того, в крае сделали ставку на использование политического опыта рабочих. Это можно объяснить более острым (по сравнению с центральными регионами) дефицитом в Сибири административных и партийных кадров.

Краевые органы, в целом положительно оценивая деятельность 25-тысячников в деревне, отмечали и наличие недостатков. Во-первых, «небольшая часть» из них испугалась трудностей, «сложила мирным путем оружие перед классовым врагом и сбежала с колхозного трудового фронта». Во-вторых, отмечались «ненормальности» в распределении 25-тысячников, в использовании их на работе и в обеспечении рабочих и их семей [8, с. 50]³. Во многих районах 25-тысячники использовали не по назначению. Так, в Ижморском районе 25-тысячник Масальский работал по линии потребкооперации; 25-тысячник Артемов из Яминского района сообщал, что его используют чернорабочим на производстве. Подобные прецеденты встречались по всей стране. Уже весной 1930 г. ВЦСПС требовал привлечения к ответственности, вплоть до судебной, местных органов, допустивших неправильное использование 25-тысячников. Однако подобные примеры можно найти даже в документах весны 1931 г.⁴

Центральные руководящие органы планировали для реализации целей кампании установить с мобилизованными рабочими систематическую связь, которая должна была не только обеспечивать руководство посланцами партии, но и непосредственно информировать центральные органы о ситуации в деревне. Однако фактически связь рабочих с направившими их предприятиями порой совершенно отсутствовала.

¹ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 12. Д. 22. Л. 15.

² При сложении приведенных процентов получается не 100 %, а 102,6 %. Возможно, это связано с тем, что фактически некоторые 25-тысячники использовались на нескольких должностях, что подтверждается документами.

³ ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 51. Л. 48.

⁴ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 418. Л. 1099; ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 14. Д. 51. Л. 28.

Многие фабрично-заводские комитеты не отвечали на письма 25-тысячников, не присылали литературу даже по специальным запросам. Добиться помощи было сложно и от сибирских организаций, направлявших 25-тысячников на места. При крайкоме работала комиссия по рассмотрению заявлений 25-тысячников, однако постоянных работников по связи с ними не было, и переписка велась не систематически [1, с. 465]⁵.

Одной из важных задач 25-тысячников являлось разоблачение так называемых извращений политики партии. Центральные и краевые партийные органы высоко оценивали их работу по борьбе с «правым оппортунизмом» и «левыми извращениями» линии партии. Многие из рабочих сигнализировали о вскрываемых на местах недостатках, которые считали оппортунистическими, сообщали о деятельности «классовых врагов»⁶.

Рабочие нередко входили в положение крестьян, пытались сигнализировать о том, что «округ накануне восстания», «деревня стонет» от проводимой округом политики, деревню «совсем ободрали», крестьяне «сидят голодом». В ряде районов 25-тысячники выступали против явно завышенных планов сева, скотозаготовок и т. п.⁷ Подобные настроения могли восприниматься в крае и в качестве сигнала к проверке работы местных руководящих органов, и как свидетельство непонимания рабочими политики партии. В результате 25-тысячники сами нередко попадали под обвинения в оппортунизме. Так, рабочему Денисову в конце 1930 г. был приписан «правый уклон». Произошло это вследствие того, что он высказал несогласие с десятикратным увеличением районного хлебозаготовительного плана. Рабочую с «Красного Треугольника» Н. Фомину, считавшую, что крестьян Бердского района «давят» и «обдирают», а план хлебозаготовок для них непосилен, райком исключил из кандидатов в ВКП(б) за «проведение правого уклона на практике, спасование перед трудностями и дискредитацию партийной организации». Крайком ВКП(б) отменил это решение, ограничившись выговором 25-тысячнице и последующим увольнением. Ленинградец Федоров (Кочневский район) был обвинен в «левом уклоне» за то, что добивался снятия середняка с поста председателя сельскохозяйственного товарищества⁸.

Случалось, что 25-тысячники проявляли такое «усердие» в «раскулачивании» и коллективизации, что обвинения их в «перегибах» выглядят совершенно естественными. Так, в Чумышском районе председатель коммуны «Красный шквал» Богданов (ленинградский рабочий, член ВКП(б)) организовал группу из пяти коммунаров и предпринял экспедицию по району. Членам группы он говорил, что их задача – «идти

⁵ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 12. Д. 22. Л. 120.

⁶ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4215. Л. 3–16; Ф. П-3. Оп. 4. Д. 418. Л. 1095.

⁷ Там же. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 38. Л. 56–57; Д. 419. Л. 224.

⁸ Там же. Д. 38. Л. 56; Д. 418. Л. 741; Сов. Сибирь. 1930. 15 июня.

в тайгу и искать у кулаков мясо, сено и вообще все, что найдется», не называя, кого они представляют. Для своей группы Богданов сумел добыть оружие. 18 марта 1930 г. этот отряд явился на пасеку к «кулаку» Ивашину, «терроризировал» его, произвел обыск и отобрал обнаруженный горох и хлеб. Ивашин принял коммунаров за бандитов, и по району стали распространяться слухи о появлении банды⁹.

Несмотря на то, что в документах краевого комитета ВКП(б) не раз говорилось об успехе работы 25-тысячников «под руководством сибирских партийно-общественных организаций», отношения рабочих с местными партийно-государственными органами зачастую складывались сложно. Это было обусловлено уже самой целью кампании – обеспечить надежную опору партии на местном уровне за счет представителей пролетариата. Тем самым мобилизация «двадцати пяти тысяч» демонстрировала партийным и руководящим работникам на селе потенциальное недоверие к ним со стороны центрального руководства.

Среди 130 проанализированных нами писем и заявлений¹⁰ 25-тысячников в краевые и центральные руководящие органы (1930–1933 гг.) примерно треть содержит жалобы на созданные в районе плохие условия работы. Причем в половине из этих обращений рабочие выражают недовольство не только и не столько плохим снабжением и материально-бытовыми условиями, сколько противоречиями и конфликтами с местными органами власти. В «преступно бюрократическом отношении к нуждам 25-тысячников со стороны районных организаций» крайком видел одну из основных причин возвращения значительного числа рабочих на производство¹¹.

Осенью 1930 г. в западносибирских райкомах партии по заданию крайкома ВКП(б) был проведен учет 25-тысячников для отбора на дальнейшую работу в сельском хозяйстве. В районах были составлены списки рабочих-25-тысячников¹² (далее «Списки»). На их основе нами создана электронная база данных. В Списках содержатся характеристики деятельности рабочих. Для их анализа мы ввели коэффициенты качества работы (-2; -1; 0; 1; 2). Коэффициент 2 присваивался характеристикам, которые могут быть оценены как очень хорошие, 1 – хорошие, 0 – нейтральные, -1 – отрицательные, -2 – резко отрицательные, т. е. показывающие, что их обладатели совершенно не справились с работой в деревне. Сложность оценки заключается в том, что многие характеристики, данные 25-тысячникам, весьма противоречивы. Если в характеристике невозможно было выделить преобладание положительных или отрицательных моментов, ей присваивался коэффициент 0.

Выявлено, что положительную оценку со стороны районных парторганизаций получили около 60 %

рабочих. Причем 16 % мы условно присвоили коэффициент +2. Рассмотрим в качестве примера положительную характеристику, которая дана Н.Ф. Яшину, свердловцу с ленинградской 3-й пробочной фабрики: «С работой справляется. Хозяйственно-организационными способностями обладает. Идеологически выдержан. Политически развит. Авторитетом среди колхозников и единоличников пользуется»¹³. Из подобных формулировок видно, какие качества ценились в 25-тысячниках районными партийными органами. 45 % характеристик мы присвоили коэффициент 1. Так, 39-летнему столяру А.В. Викторову, работавшему секретарем ячейки ВКП(б) в коммуне «Новый шаг» Покровского района, райком дал следующую оценку: «В окружающем ориентируется правильно. Недостаточно инициативен, но с помощью ячейки с работой справляется»¹⁴.

Если судить по характеристикам, данным райкомами, к осени 1930 г. 10 % 25-тысячников, работавших в Западной Сибири, абсолютно не справились с возложенными на них задачами (коэффициент -2; здесь не учтены те рабочие, которые выбыли задолго до составления Списков и не упоминаются в них). Помимо того, около 13 % заслужили отрицательную оценку работы (коэффициент -1).

Основной причиной недостатков в работе, как правило, являлось незнание сельского хозяйства или отсутствие опыта организаторской работы. Некоторые 25-тысячники страдали также из-за своей малограмотности. Так, 41-летний кочегар Федор Тимофеевич Дивеев с фабрики «Работница», будучи секретарем ячейки ВКП(б) в коммуне «Новый рассвет» Яминского района, получил от райкома такую характеристику: «Политически и технически неграмотный, в условиях деревенской работы ориентируется плохо. В силу политической отсталости в практической работе извращает директивы партии. Целесообразно использовать на работе в производстве, где он может принести больше пользы, чем в деревне. Как руководящий партийный работник слаб. Надо учиться» (характеристике присвоен коэффициент -2). Как уже было отмечено, некоторые 25-тысячники не только не выполняли функции проведения политики партии на селе, но и, по мнению районных парторганизаций, эту политику извращали. Так, П. Юрьев не справился с работой директора Лебяжинского МКС, после чего был послан секретарем партячейки в с. Сrostы. Но и с этой работой он «справился слабо» вследствие недостаточного опыта организационной работы и «сложности работы в данный период». Юрьев был назначен «культурником» в коммуну «Сибирский пахарь», однако и здесь Рубцовский райком ВКП(б) счел его использование нецелесообразным и предложил крайкому перевести его в другой район. В результате краевой комитет, в свою очередь, не посчитал возможным использовать столь слабо проявившего себя работника в колхозной

⁹ ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 50. Л. 88.

¹⁰ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 304; Оп. 4. Д. 416, 418–420.

¹¹ Там же. Оп. 4. Д. 418. Л. 1099.

¹² Там же. Оп. 3–4.

¹³ Там же. Л. 159.

¹⁴ Там же. Л. 149.

системе и предложил откомандировать его на производство (при анализе характеристике Юрьева присвоен коэффициент –1)¹⁵.

Были и 25-тысячники, которые не справлялись со своими должностными обязанностями в связи с нежеланием работать в сельском хозяйстве. Надо отметить случаи, когда ленинградцы даже не пытались справиться с работой. Так, в Белоярском районе из 9 чел. трое уже в марте 1930 г. вернулись в Ленинград, не договорившись с партийными и колхозными организациями¹⁶. Некоторые 25-тысячники пытались добиться откомандирования вызывающим поведением: халатным отношением к работе, пьянством и т. п.

Еще одной причиной того, что некоторые 25-тысячники заслуживали отрицательной оценки своей работы, являлось разочарование, неверие в саму возможность успеха коллективизации. В Списке Павловского района о 26-летнем ленинградце Арнольде Булине, председателе артели «Беднота, вперед!», сказано: «Потерял всякие надежды в колхозном строительстве (не верит в строительство социализма). Грубый. Не имеет надлежащего подхода к колхозникам, да и не старался подходить. За период работы неоднократно был замечен в пьянке и дебоше. Женился на дочери псаломщика и подпал под ее влияние. Своим поведением, грубостью и неверием в строительство довел колхоз до состояния развала»¹⁷.

Значительная часть 25-тысячников, получивших отрицательную оценку, обвинялась райкомами в пьянстве, которое в той или иной мере отмечено районными органами почти у 20 % рабочих. Распространение этого порока вызывало у руководства районов серьезное беспокойство. В случае, когда пьянство не принимало особо злостные формы, райкомы и крайком ВКП(б) считали возможным оставить 25-тысячника на колхозной работе. Однако если при этом его авторитет был окончательно подорван в глазах колхозников («занимается выпивкой, в связи с чем потерял авторитет, ослабляется колхоз»), могла применяться переброска в другой колхоз или район, в отдельных случаях – откомандирование на производство¹⁸.

Около 17 % 25-тысячников получили от районных комитетов ВКП(б) характеристики, которые трудно отнести к отрицательным или положительным. Это нейтральные характеристики, а также такие, где недостатки компенсированы положительными моментами. Среди характеристик с нейтральной оценкой немало таких, в которых главным препятствием для работы в деревне названо слабое здоровье 25-тысячника.

Значительная роль 25-тысячников в коренном переустройстве сельского хозяйства (о которой так много говорилось в историографии) была обеспечена за

счет того, что в первый год форсированного наступления на деревню основная их часть находилась на ответственных должностях в селе. И более половины из них, как показано выше, справлялись с поставленными партией задачами. Выгодным отличием 25-тысячников от местных сельских работников зачастую было применение методов убеждения, демонстрация хорошей работы, умелая организация. Благодаря этому они добивались повышения производительности труда, завоевывали авторитет среди крестьян и в результате привлекали в колхозы новых членов. В строительстве, организации и работе первых МТС Сибири участие 25-тысячников (хотя и небольшой их группы) имело принципиальное значение в связи с использованием их технических знаний при отсутствии соответствующих кадров среди местного населения.

Вместе с тем 23 % 25-тысячников (от оставшихся осенью 1930 г.) не справились со своими задачами в деревне. Причинами этого послужили незнание сельского хозяйства, неготовность к организаторской работе, отсутствие помощи, тяжелые материально-бытовые и климатические условия и т. п. Часть рабочих была откомандирована крайкомом ВКП(б) обратно на производство уже зимой 1930/31 г. К весне 1931 г. в западносибирской деревне осталось не более 61,5 % от изначального состава 25-тысячников. При досрочном возвращении на предприятие, особенно с отрицательной характеристикой от сельских районов, рабочих ожидали разбирательства, выговоры, а порой публичное презрение и окончательное крушение карьеры.

Таким образом, исследуемая нами кампания демонстрирует, как государство использовало мобилизационные методы для переброски кадровых ресурсов на проблемные участки своей системы. Эти методы способствовали решению определенных хозяйственно-политических задач, хотя и не повсеместно. В то же время мы видим, какова была цена кампании, организаторы которой не придавали значения тяготам, уготованным ее непосредственным участникам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы по истории СССР. М., 1955. Вып. 1.
2. Зомбе Е.Б. Двадцатипятидесятники // *Вопр. истории.* 1947. № 5.
3. Гуцин Н.Я. Рабочий класс Сибири в борьбе за создание колхозного строя. Новосибирск, 1965.
4. Viola Lynne. The Best Sons of the Fatherland: Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization. Toronto, 1987.
5. Сахаров А.Н. 1930: год «коренного перелома» и начала «большого террора» // *Вопр. истории.* М., 2008. № 9.
6. Левакин А.С. Рабочие-двадцатипятидесятники в составе колхозной администрации на юге России: бытовые и профессиональные аспекты // *Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена.* 2008. № 33 (73).
7. Носач В.И., Зверева Н.Д. Расстрельные 30-е годы и профсоюзы. СПб., 2007.
8. Белбей Р. За или против. М., 1930.

¹⁵ Там же. Оп. 4. Д. 418. Л. 693.

¹⁶ Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4212. Л. 14.

¹⁷ Там же. Ф. П.-3. Оп. 3. Д. 304.

¹⁸ Там же. Оп. 4. Д. 416. Л. 320–321; Д. 420. Л. 62.